

## Политические оппоненты большевизма о причинах своего поражения в революции 1917 года

Гусев А.В.,  
к.и.н., МГУ

Одним из главных вопросов, стоящих перед исследователями Российской революции 1917 года, является вопрос о причинах, обусловивших победу в ней большевиков и поражение всех других политических сил. Будучи связан с более общей проблемой характера самой революции и ее движущих сил, он активно дебатировался в историографии и в обществе, особенно в связи с 90-летием революционных событий. В поисках ответа на этот вопрос представляется полезным обратиться к тому, как ставился и решался он непосредственными участниками и свидетелями революции, анализировавшими впоследствии произошедшее в России. Обзор их размышлений и дискуссий тем более интересен, что многие современные интерпретации революции представляют собой, в сущности, не что иное, как воспроизведение суждений, высказанных еще в первые послереволюционные годы.

Осмысление причин поражения небольшевистских сил в революции и гражданской войне с самого начала занимало важное место в публицистике и историографии российской политической эмиграции: на эту тему было немало написано представителями практически всех партий и течений – от монархистов до анархистов. Но если попытаться обобщить их основные подходы к проблеме, то в массе предложенных концепций можно выделить несколько центральных интерпретационных моделей, в целом соответствующих секторам политического спектра небольшевистской России.

В *крайне правой* части этого спектра, консервативно-монархических кругах, большой популярностью пользовалась *конспирологическая* интерпретация революции. События 1917 года – как Февраль, так и Октябрь – объявлялись в ней результатом изощренного заговора темных сил – настолько мощного и всепроникающего, что противостояние ему оказалось обречено на провал. Наиболее активно развивал эту концепцию бывший лидер черносотенного Союза русского народа, возглавивший в эмиграции Высший монархический совет Н.Е. Марков 2-й. В своих работах 20-30-х с характерными названиями «Войны темных сил», «История еврейского штурма России» и т.п. он рисует картину глобального масонского заговора во главе с евреями, стремящимися к мировому господству. Именно происками «иудо-масонов» Марков объясняет большую часть событий мировой истории – от Реформации в Европе XVI в. до образования Лиги Наций в 1919 г. В России, доказывает он, «иудо-масоны» проникли во «все клетки государственного организма» и добились сначала падения монархии (когда к власти пришел «скрытый еврей» Керенский), а затем привели к власти «иудо-большевиков». Причины отсутствия

монархического сопротивления свержению самодержавия Марков видит в том, что сам царь в 1917 г. не решился начать междоусобную войну и не призвал своих сторонников к активным действиям. Роковую роль в судьбе русских крайне правых сыграл, по мнению лидера черносотенцев, также и тот факт, что хотя монарх и «весьма благоволил» черносотенцам, но поддался влиянию предателей-приближенных и «не настоял на своевременной и надлежащей государственной поддержке и развитии» их организаций. В результате масонские агенты в правительстве Российской империи стали «теснить, принижать и вести Союз русского народа к разложению»<sup>1</sup>. Таким образом, изображая монархистов-черносотенцев мощным народным движением, Марков одновременно признает зависимость его от царского правительства и фактическую неспособность к существованию без поддержки сверху.

Более серьезную попытку проанализировать причины неудач монархистов предпринял философ и общественный деятель И.А. Ильин, ведущий интеллектуал правоконсервативного лагеря. В работе «Почему сокрушился в России монархический строй?» (1952 г.) он прежде всего констатирует фактический паралич монархических сил в 1917 г. и обнаружившийся при падении самодержавия «бутафорский» характер черносотенных организаций. Все это Ильин объясняет не столько кознями темной «закулисы», сколько отсутствием в русском народе «монархического правосознания», т.е. осмысленной преданности престолу как залогом благоденствия России. В широких народных массах, пишет Ильин, соседствовали стихийный монархизм и столь же спонтанный анархизм, а интеллигенция была отчуждена от монархии и пропитана «республиканскими иллюзиями». Когда под давлением интеллигенции царь отрекся от престола, простонародье почувствовало себя освобожденным от присяги самодержцу и выплеснуло наружу свои разрушительные, бунтарско-анархические инстинкты. Народ «впал в состояние черни», и это открыло дорогу к власти большевикам, ибо «чернь всегда обуздывается деспотами и тиранами»<sup>2</sup>.

Однако Ильин не в состоянии объяснить, почему же российская монархия, эта «священная основа национального бытия», не смогла ни воспитать в народе «монархическое правосознание», ни создать сколько-нибудь значимые кадры своих сторонников; почему она рассыпалась как карточный домик буквально в течение нескольких дней; наконец, как и куда моментально испарился «стихийный народный монархизм». Основная слабость концепции Ильина, как и монархической интерпретации российской революции вообще, состоит в том, что монархисты не могли признать факт органического отторжения самодержавия всем российским обществом – и потому либо изобретали фантастические объяснения крушения царизма («всепроникающий заговор»), либо, подобно Ильину, вращались в кругу неразрешимых логических противоречий.

---

<sup>1</sup> Марков Н.Е. Войны темных сил. Статьи. 1921-1937. М., 2002, с. 147-148, 182, 371-372.

<sup>2</sup> Ильин И.А. Почему сокрушился в России монархический строй?// Наши задачи. Статьи 1948-1954 гг. Париж, 1956, с. 419-430.

В оценке всех революционных событий 1917 года как «национальной катастрофы» и «государственного самоубийства» России с правыми консерваторами сходились представители *консервативно-либерального* лагеря. Так, видные в прошлом деятели кадетской партии В.А. Маклаков и П.Б. Струве полагали, что уже Февральская революция означала поражение либерализма, поскольку она разрушила сбалансированную политическую систему, которая основывалась на разделении власти между царем и Государственной Думой и создавала оптимальные условия для проведения по-настоящему либеральных реформ, типа столыпинской. Свержение монархии, уничтожив одну из основ порядка, подорвало саму государственность, начался «всероссийский распад», и его неизбежным итогом стало утверждение демагогической диктатуры наиболее безответственной политической силы – большевиков. Следовательно, Февраль 1917-го автоматически породил Октябрь. И в этом, подчеркивает Маклаков, есть существенная доля вины самих либералов, так как они отказывались сотрудничать с царем и его правительством, открывая тем самым дверь революции – явлению антилиберальному по самой своей сути<sup>1</sup>.

Рассуждая таким образом, либеральные консерваторы не придавали существенного значения ни породившим революцию объективным процессам, ни самостоятельной роли в ней народных масс. Характерный для них подход был сформулирован философом С.Л. Франком, писавшим, что «народ в смысле низших классов или вообще толщи населения... не является инициатором и творцом политической жизни. Народ есть всегда, даже в самом демократическом государстве, исполнитель, орудие в руках какого-либо направляющего и вдохновляющего меньшинства».<sup>2</sup> Политическая жизнь вообще и революция в частности представлялись, с этой точки зрения, результатом верхушечного взаимодействия и борьбы политических элит. Но вытекающее отсюда сведение проблемы к «разрушительной работе» радикально-демократического интеллигентского меньшинства, уничтожившего стабильную государственность, не позволяло должным образом оценить глубину социально-политического кризиса, который охватил Россию к 1917 году. Действительно, если бы раздиравшие российское общество противоречия могли быть разрешены эволюционным путем в рамках третьейимюньской политической системы, защитниками которой выступали в эмиграции Маклаков, Струве и их единомышленники, то революция стала бы излишней. Однако эта система показала на практике полную неэффективность и фактически распалась; царское правительство не желало сотрудничать с либералами даже в ограниченных пределах, показателем чего явилось, в частности, разложение партии и парламентской фракции октябристов, строивших свою политику именно в расчете на

---

<sup>1</sup> Маклаков В.А. Из воспоминаний. Нью-Йорк, 1954, с. 375-378; Он же. Власть и общественность на закате старой России. Т. 1. Париж, 1936, с. 243-244; Струве П.Б. Исторический смысл русской революции и национальные задачи// Из глубины. Сборник статей о русской революции. Париж, 1967.

<sup>2</sup> Франк С.Л. De Profundis// Из глубины, с. 314.

компромисс с царизмом. Поэтому объяснение поражения либералов их чрезмерным радикализмом и неприятием дореволюционных порядков не могло не вызвать возражений со стороны других эмигрантских авторов.

По мнению кадетского лидера П.Н. Милюкова, представлявшего *собственно либеральное* течение в российском политическом спектре, падение самодержавного режима открывало возможность для утверждения принципов либерализма в общественной жизни страны. Февраль 1917-го принес общенациональную, освободительную революцию, отвечавшую коренным потребностям развития России. Временное правительство, главенствующие позиции в котором первоначально заняли кадеты, было способно, с точки зрения Милюкова, осуществить назревшие либеральные преобразования и успешно руководить ведением войны. Однако этому помешало тяжелейшее экономическое положение, хозяйственная разруха, унаследованная от прежнего режима. К тому же возникавшая после февраля конструкция власти оказалась непрочной в силу своей разнородности: наряду с правительством, выражавшим общенародные интересы, она включила Советы, которые отражали узкоклассовые и партийные интересы социалистических партий. Конфликт между этими двумя противостоящими друг другу элементами обрек политическую систему на нестабильность, приведя в конечном итоге к ее разрушению и захвату власти большевиками. Причем здесь, как отмечает Милюков, проявилось, кроме всего прочего, действие общего «социологического закона» революций, в соответствии с которым все они не могут вовремя остановиться и доходят в своем развитии до крайностей<sup>1</sup>.

Говоря о «социологическом законе» нарастания радикализма в революционном процессе, Милюков имел в виду прежде всего опыт Великой Французской революции XVIII в.<sup>2</sup> Но господство крайних радикалов было в ней лишь временным явлением, после чего последовал переход власти в руки более умеренных политических сил. Почему же этого не произошло в России, и большевистская диктатура – которую идеолог кадетизма характеризовал как насквозь утопическую и реакционную – не пала? Рассматривая этот вопрос в книге «Россия на переломе: Большевистский период русской революции» (Париж, 1927 г.), Милюков указывает на создание большевиками безжалостной и эффективной машины насилия и принуждения, однако главную причину сохранения их господства он видит не столько в силе большевиков, сколько в слабости их противников – антибольшевистского движения периода Гражданской войны. Последнее, с его точки зрения, могло победить, если бы носило демократический характер и сохраняло

---

<sup>1</sup> Милюков П.Н. История второй русской революции. М., 2002.; Он же. Россия на переломе. Большевистский период русской революции. Т. 1. Париж, 1927, с. 40-43.

<sup>2</sup> Интересно отметить сходство оценок Милюкова с высказываниями некоторых современных историков из школы «Анналов», которые считают якобинскую диктатуру с ее террором проявлением того, что Французскую революцию «занесло» (Furet F., Richet D. La revolution francaise. P., 1965, vol.1, p. 165).

верность принципам Февральской революции. Но оно постепенно превратилось в белое движение, попав под контроль право-реакционных и авторитарных сил. Ярко выраженный классовый и великодержавный характер белогвардейщины оттолкнул от нее народные массы и нерусские народности, что привело к ее краху. Роковая ошибка либералов-кадетов, подчеркивает Милюков, заключалась в том, что они связали себя с этим белым движением – и потому разделили его историческое поражение<sup>1</sup>.

Анализ причин поражения либералов, данный профессиональным историком Милюковым, был, несомненно, более глубоким, чем альтернативные интерпретации, исходившие из либерально-консервативного лагеря. И все же ряд вопросов оставался без ответа и в милюковской концепции: почему либералы неуклонно теряли общественную поддержку в период между февралем и октябрём 1917 г.? Почему они столь неудачно выступили на выборах в Учредительное Собрание? Случайно ли они оказались союзниками право-реакционных сил в рамках белого движения?

Найти ответы на эти вопросы едва ли было возможно без признания тесной связи российского либерализма с имущими классами – крупными землевладельцами и буржуазией. Будучи заинтересованы лишь в ограниченных реформах, эти общественные группы сопротивлялись глубоким преобразованиям как в социально-экономической сфере (радикальное перераспределение земли, расширение прав рабочих), так и в области государственного устройства (предоставление нациям возможности самоопределения, федерализация России). Отсюда вытекало стремление либералов затормозить развитие демократической революции, что неизбежно вело к резкому сужению их общественной поддержки.

На эту консервативную, по сути, роль либерализма в революции 1917 г. указывали в своих работах представители *социалистического* сектора российской политической эмиграции: меньшевики Ф.И. Дан<sup>2</sup>, В.С. Войтинский<sup>3</sup>, П.А. Гарви<sup>4</sup>, И.Г. Церетели<sup>5</sup>, эсеры В.М. Чернов<sup>6</sup>, В.В. Сухомлин<sup>7</sup>, Е. Сталинский<sup>8</sup> и др. По их мнению, позиция, занятая либералами, фактически помогла большевикам захватить власть в стране: если бы кадеты и другие либералы во Временном правительстве не саботировали всеми способами скорейший созыв Учредительного Собрания, передачу помещичьей земли в руки земельных комитетов и начало переговоров о

---

<sup>1</sup> Милюков П.Н. Россия на переломе. Большевицкий период русской революции. Т. 2, с. 1-5, 243.

<sup>2</sup> Дан Ф. К истории русской революции// Социалистический вестник, 1931, № 10, 11.

<sup>3</sup> Войтинский В.С. 1917-й: год побед и поражений. М., 1999.

<sup>4</sup> Гарви П. Закат большевизма. Десять лет диктатуры. Рига, 1928.

<sup>5</sup> Церетели И. Вопрос об Учредительном собрании в первом коалиционном правительстве// Социалистический вестник, 1962, № 7-8.

<sup>6</sup> Чернов В.М. Перед бурей. Минск, 2004.

<sup>7</sup> Сухомлин В.В. Политические заметки// Воля России, 1929, №12.

<sup>8</sup> Сталинский Е. Что дальше?// Воля России, 1927, №11-12.

заключении мира, то большевикам не удалось бы привлечь на свою сторону широкие народные массы. Характеризуя поведение буржуазных организаций в 1917 г. как «политический саботаж», социал-демократ П. Гарви писал: «Русская буржуазия, бескрылая и бесхребетная, своекорыстная и близорукая, оказалась неспособной даже в лице своей интеллигенции руководить собственной буржуазной революцией. Страх перед пролетариатом заранее ее обессиливал, толкал в объятия помещичьей контрреволюции»<sup>1</sup>. Таким образом, социалисты возвращали упрек в «классовом эгоизме» либералам.

Но почему же сами социалисты, также входившие во Временное правительство и доминировавшие после февраля в Советах, не настояли на проведении всех вышеперечисленных мероприятий, которые могли выбить почву из-под большевистской агитации? Отвечая на этот вопрос, авторы социалистического направления связывали недостаток своей настойчивости со стремлением сохранять коалицию с буржуазными партиями и, тем самым, единство общедемократического фронта. Однако поскольку либералы и социалисты занимали противоположные позиции по всем основным политическим вопросам, их правительственный альянс являлся на практике совершенно непродуктивным. «Сохранение их коалиции в правительстве вело лишь к их взаимной нейтрализации, то есть к параличу творческой деятельности правительства, – отмечал в своих воспоминаниях лидер эсеров Чернов. – Невозможность же никак не откликнуться на неотложные вопросы жизни вела к постоянным конфликтам внутри правительства, к министерским кризисам, перестройкам в его личном составе, после чего опять начиналась все та же «сказка про белого бычка», создавая впечатление неустойчивости, неавторитетности власти и никчемности ее существования»<sup>2</sup>. Выходом из положения, с точки зрения Чернова, мог стать переход от буржуазно-социалистической коалиции к формированию однородного социалистического правительства, способного проводить необходимые преобразования, которых требовали массы, – создание власти «с твердой крестьянско-рабочей, федералистической и пацифистской программой»<sup>3</sup>. Но к такому выводу большинство эсеров и меньшевиков пришло слишком поздно: когда они начали предпринимать реальные шаги в этом направлении, большевики уже успели захватить инициативу в свои руки и, по выражению Дана, «стояли у ворот»<sup>4</sup>. Не сумев, таким образом, распорядиться широкой общественной поддержкой, которой она пользовалась на первом этапе революции, небольшевистская «революционная демократия» оказалась зажата между двумя авторитарными силами, «красными» и «белыми», и в конечном итоге раздавлена ими.

---

<sup>1</sup> Гарви П. Указ. соч., с. 7.

<sup>2</sup> Чернов В.М. Указ. соч., с. 336.

<sup>3</sup> Там же.

<sup>4</sup> Дан Ф. К истории русской революции, с. 8.

Хотя эсеровские и меньшевистские авторы признавали одной из причин своего поражения допущенные ими политические ошибки, более значимым им все же представлялся другой фактор: слабость тех общественных сил, на которые мог опереться в России демократический социализм. Такими силами неонародники считали «трудящиеся классы» (рабочих, крестьян, трудовую интеллигенцию), а социал-демократы связывали свои надежды преимущественно с пролетариатом. Трагический исход российской революции, по мнению социалистов, был связан в первую очередь с тем, что эти общественные классы не успели в полной мере сформироваться и достигнуть необходимой степени зрелости.

В статье «Охлос и демос», опубликованной в 1919 г., В. Чернов писал о присутствии в российском народе и общественном движении двух противоположных начал – демократического и охлократического. Носителем первого является демос – трудящиеся, которым свойственна сознательность, организованность и самодисциплина; носитель второго – охлос, народ-толпа, аморфная масса, подчиняющаяся слепым инстинктам. Превращение распяленной людской массы в демос представляет собой сложный и длительный процесс, связанный с формированием организаций трудящихся, выработкой их классового сознания, накоплением социального и политического опыта. Утверждение «хищнического» варианта капитализма в условиях всеобщего бесправия и самодержавного гнета разрушало архаичные устои российской общественной жизни, но в то же время затрудняло «кристаллизацию демоса». Отсюда то существенное место, которое занимали в российском обществе более или менее «деклассированные» элементы, питательная субстанция «охлоса». Война и сопутствовавшая ей экономическая разруха, отмечает Чернов, резко расширили эту социальную группу: «В моменты острого кризиса, постигающего народное хозяйство, количество «деклассированных» элементов возрастает внезапно с необыкновенной быстротой и в колоссальных размерах»<sup>1</sup>. Деклассированию подвергся, во-первых, промышленный пролетариат, опытные кадры которого были мобилизованы в армию. На тот же факт указывает и Гарви: «Благодаря войне молодой русский пролетариат, и без того еще не порвавший пуповины, связывавший его с деревней, был еще больше «разводнен» притоком деревенщины и городского мещанства. Узкая прослойка марксистской рабочей интеллигенции была в значительной части смыта военной волной»<sup>2</sup>. К тому же промышленные предприятия работали с большими перебоями, что превращало занятых на них рабочих в массу временно бездействующих лиц, получающих неполное жалованье.

Во-вторых, деклассировались вчерашние рабочие и крестьяне, призванные на длительный срок в армию. Оторванные от дома и производительного труда, согнанные в казармы, они проникались специфической солдатской психологией,

---

<sup>1</sup> Чернов В.М. Охлос и демос// Гусев К.В. В.М. Чернов. Штрихи к политическому портрету. М., 1999, с. 121.

<sup>2</sup> Гарви П.А. Указ. соч., с. 8.

глубоко отличной от классовой или гражданской.<sup>1</sup> Важную роль «солдатчины» в событиях 1917 года подчеркивали многие авторы-социалисты, стремившиеся найти разгадку судьбы российской революции. Так, социал-демократ А.А. Богданов писал о том, что армия воспитывала в людях склонность к авторитарным методам, уравнительному потреблению и, самое главное, к насилию как способу достижения любых целей: «Логика казармы, в противоположность логике фабрики, характеризуется тем, что она понимает всякую задачу как вопрос ударной силы, а не как вопрос организационного опыта и труда». И эта своеобразная казарменная «культура» накладывала свой явственный отпечаток на политическое поведение солдатских масс.<sup>2</sup> Особенно быстро, добавляет Чернов, развивался процесс деклассирования и деморализации в тыловых гарнизонах, где солдаты были обречены на безделье.

«Неработающие рабочие, сухопутные матросы и невоюющие солдаты» – эти три элемента, по мнению эсеровского теоретика, составили тот «охлос», который в какой-то момент «сломал все тормоза, опрокинул все рогаки, сбросил все организационные недоуздки – и «демос» беспомощно расплылся и потонул в «охлосе»...». Охлократия же, неспособная к демократическому самоуправлению и сознательному социальному творчеству, неизбежно порождает из себя демагогически окрашенный деспотизм. Именно в этом видел Чернов главную причину победы большевиков над демократическими социалистами.<sup>3</sup>

Сходную аргументацию развивали в своих работах меньшевики, отмечавшие выявившееся в 1917 г. несоответствие между разрушительным и созидательным потенциалом народного движения в России. Сумев уничтожить «старый порядок», широкие массы российских трудящихся не дозрели в то же время до роли «сознательного большинства» в марксовом понимании, т.е. до уровня социального субъекта, самостоятельно переустраивающего свою жизнь на новых основах. В этом противоречии коренилось явление, которое Ф. Дан назвал «вождизмом»: подчинение массового движения авторитарному политическому руководству. Большевистский «вождизм», писал Дан, поднялся на гребне волны народной стихии, пробуждавшейся от вековой политической спячки. Та же волна смыла «сравнительно тонкий слой классово-сознательного пролетариата», на который опирался меньшевизм.<sup>4</sup> Этот социал-демократический авангард оказался слишком малочисленным, чтобы сохранить влияние на «взбудораженные революцией, политически не искушенные и не вышколенные» массы.<sup>5</sup>

Сочетанием собственных ошибок и объективных факторов объясняли свое поражение в революции и представители российского *анархистского* движения. В

---

<sup>1</sup> Чернов В.М. Охлос и демос, с. 124-125.

<sup>2</sup> Богданов А.А. Вопросы социализма. М., 1990, с. 335-336, 353.

<sup>3</sup> Чернов В.М. Охлос и демос, с. 125-131.

<sup>4</sup> Дан Ф. Тридцать лет// Социалистический вестник, 1933, № 10-11, с. 10-11.

<sup>5</sup> Гарви П. Указ, соч., с. 8.



коллективной работе «Большевицкая диктатура в свете анархизма», изданной в 1928 г. в Париже группой русских анархистов-коммунистов «Дело труда», констатировалось, что влияние анархизма в революционный период было весьма существенным: «Популярность анархистов среди рабочих Москвы, Петрограда, Украины была поистине огромна. Можно без всякого сомнения сказать, что в 1917 и 18 г. не было ни одного мало-мальски крупного завода не только в районе столиц, но и далее, где бы не было анархической организации, где не велось бы энергичной агитации в анархическом смысле». Более того, народные массы спонтанно проникались анархическими идеями и, захватывая в свои руки землю и фабрики, использовали тем самым свойственные анархизму методы «прямого действия». Таким образом, тезис о проявившихся в революции «анархических инстинктах» масс, который присутствовал в работах монархистов, либералов и социалистов, получал подтверждение из уст самих анархистов. Однако в конечном итоге анархизму не удалось добиться успеха, и он снова «сошел на положение гонимой секты».<sup>1</sup>

Размышляя над причинами произошедшего, анархисты усматривали важную причину своего поражения в неорганизованности, распыленности собственного движения. Действительно, в 1917-1918 гг. это движение представляло собой, в сущности конгломерат не связанных или слабо связанных между собой групп и региональных федераций, какая-либо организационная структура общенационального масштаба у анархистов отсутствовала. По мнению анархо-коммунистов из «Дела труда», это было связано с максималистским пониманием принципа свободы личности, который, будучи доведен до абсолюта, блокировал возможность коллективных действий. Раздробленность анархистского движения порождала и неопределенность его идейно-теоретических позиций, изобилие самых разнообразных и подчас противоречивших друг другу программ и интерпретаций идеи создания безвластного общества. В результате «у анархистов не оказалось общепризнанных организационных начал, общепризнанной теоретической платформы, общепризнанного продуманного плана и т.д».<sup>2</sup> По выражению одного из крупнейших деятелей российского анархизма П.А. Аршинова, в такой ситуации «мысль и действие анархистов распыляются до абсурда». Анализируя неудачи либертарных сил в революции, Аршинов добавлял к самокритике анархизма также тезис о своеобразном интеллектуальном снобизме многих анархистских теоретиков, которые свысока относились к низовым народным инициативам антиэтатистского и самоуправленческого характера, полагая, что «истинное» анархическое движение должно развиваться исключительно по их теоретическим схемам и под их руководством. Этим Аршинов объясняет, в частности, то, что большинство

---

<sup>1</sup> Большевицкая диктатура в свете анархизма. Десять лет советской власти (Коллективное исследование). Париж, 1928, с. 8-10, 12.

<sup>2</sup> Там же, с. 15.

анархистов осталось вне наиболее мощного антигосударственного движения периода революции и гражданской войны – махновщины.<sup>1</sup>

Не менее важным фактором, помешавшим успеху анархистов, являлась, по их мнению, неопытность народных масс, «веками воспитанных в рабстве», незрелость сознания народа, которая позволила большевикам одурманить его своей демагогией и подчинить новому деспотизму.<sup>2</sup> Видный идеолог российского анархизма В.М. Волин в специальной статье под названием «О причинах «поражения анархизма» в русской революции» определил главную слабость трудящихся классов России как отсутствие у них развитых структур самоорганизации. Для восприятия и проведения в жизнь анархических идей нужна была институциональная база – «широкая сеть прочных, имеющих историческое прошлое, прошедший известный путь идейного развития, опыта и борьбы классово-трудовых организаций». Такого рода профсоюзные, кооперативные, производственные, культурные объединения рабочих и крестьян активно создавались во время революции, но «было поздно ковать оружие, когда борьба была уже в разгаре». Эти наслех образованные, часто непрочные структуры не смогли составить каркас народной самоорганизации, и потому идеи анархизма, по образному выражению Волина, «бросались в воздух и рассеивались, нигде не встречая «принимающих станций».<sup>3</sup>

Таким образом, почти все политические оппоненты большевиков, за исключением крайне правых сторонников конспирологических теорий, сходились между собой в признании *объективных* предпосылок своего поражения в революции 1917 года. Главным объективным фактором, способствовавшим победе большевизма, они считали относительно низкий уровень сознания и организованности народных масс. Однако выводы, которые делали из этого представители различных политических течений, были далеко не одинаковыми. Для идеолога монархизма Ильина, равно как и для либеральных консерваторов типа Маклакова и Струве, опыт 1917 года являлся подтверждением пагубности революций как таковых и необходимости сосредоточения власти в руках политических элит, единственно способных обеспечить поступательное развитие общества. Принципиально иной урок вынесли из революции представители небольшевистского левого лагеря: завоевать свободу и народное самоуправление может лишь сам народ, но для этого он нуждается в опыте самостоятельного политического и социального действия – опыте, накопление которого невозможно без серьезных испытаний и борьбы. Исход же общественной борьбы во многом зависит от *субъективных* факторов, сознательной деятельности политических сил, которые должны учиться на своих ошибках и стараться не повторять их.

---

<sup>1</sup> Аршинов П.А. История махновского движения (1918-1921). Запорожье, 1995, с. 222-223.

<sup>2</sup> Большевицкая диктатура в свете анархизма, с. 16.

<sup>3</sup> Волин. О причинах «поражения анархизма» в русской революции// Анархический вестник, 1923, № 5-6, с.11.